

ОСТРОВ ЗАБВЕНИЯ

(Андрей Крюков, *Двое под одной крышей: стихотворения. – Волгоград: Перископ-Волга, 2021. – 140 с.*)

Чтение стихов Андрея Крюкова вызывает весьма необычные, нетипичные для современного читателя ощущения. С первых же страниц его книги «Двое по одной крышей» мы попадаем в особую, герметически замкнутую среду, защищенную от внешних воздействий. Нас как будто водят по историко-архивному музею или по картинной галерее, где на стенах висят старинные гравюры, изображающие идиллические, готические и батальные сцены.

Это своего рода историческая барокамера – время здесь застыло, сирессовав эпохи и цивилизации в единое социокультурное пространство. И всё же подобное погружение в старину отнюдь не означает полный отказ от современности – скорее, это намеренный выбор в пользу неоромантики, которая на новом витке развития поэтического слова обращает нас к вечным, непреложным, а не спиюминутным ценностям. По-своему правы и автор предисловия Елена Крюкова, увидевшая в этой поэзии «классичность в сочетании с нервным лейтмотивом тайного авангарда», оценившая прелесть прогулок «по архетипическим закоулкам романтизма», и Анастасия Русских, сумевшая определить общее настроение автора книги: «оно таково, будто всё, о чём автор ведёт речь, – происходит вне времени, всегда и никогда, в некоем соседнем (резервном?) измерении, где мир таков, каким он должен быть...».

Наглядной демонстрацией художественного метода Андрея Крюкова становится завершающая книгу сценическая зарисовка «Звезда на ладони». Преодолев ложное ощущение реальности, читатель только ближе к концу этой мини-поэмы начинает понимать суть авторского замысла. Перед ним возникает не что иное, как развёрнутая метафора бытия, в которой, выражаясь словами Анастасии Русских, «эпохи, империи, народы выходят на сцену последовательно, не нарушая заумного кем-то порядка. И за всем этим слышится мерное, глубокое дыхание Вселенной...».

Здесь каждый образ глубоко символичен. Солдат, Рыцарь, Лучник, Всадник, скромно сидящий на полу в углу Бедуин – все это знаки времени, а точнее разных времён, совпавших в условном художественно-мифологическом пространстве трактира. А значит, объект не равен самому себе, и по-настоящему важен не он сам, а тот мощный ассоциативно-смысловой ореол, который возникает вокруг него.

Примечателен и открытый финал мини-пьесы. Бедуин, завершающий торжественную историческую процессию, приходит в трактир, чтобы оповестить его хозяев о скором возвращении сына, считавшегося трагически погибшим в море. Смерть, оказавшаяся ложью, прошлое, ставшее настоящим – такова за- прятанная в иносказание логика авторской мысли:

*Герои, что прошли здесь перед вами, –
Лишь души древних, встреченные им
В дороге, чтобы предварить словами
Его исход из сгинувших к живым.
Проделав путь, указанный звездой,
Поймёт он, что пришлось вам пережить.
А ваших слуг я заберу с собою,
Вам предстоит самим себе служить.*

В этот момент становится понятен смысл выбранного Крюковым названия книги. «Двое под одной крышей» – это не обязательно двое влюблённых, не трактирщик и трактирщица. Скорее, это поэт и время, разросшееся до масштабов вечности.

Поэт и вечность ведут непрерывный диалог и прекрасно понимают друг друга. Очевидно, что сознание творца не может быть тождественно только своей эпохе – оно всеохватно. Именно эту всеохватность глубокую эрудированность, дающую эффект глубокого погружения в иную культуру, мы видим в книге Андрея.

В данном случае и не могло быть иначе. Из небольшого приложения к сборнику, которое по сути является короткой автобиографией Крюкова, мы узнаём весьма любопытные факты его жизни: «Место, на котором стоял наш дом, находилось внутри Земляного вала, скрытого для прокладки Садового кольца. Иначе говоря, мы жили в границах Москвы XVI века». Невозможно, живя в границах чужой эпохи, постоянно ощущая её дыхание внутри современности, не стать заложником такого масштабного исторического взгляда на мир.

Всё это находит прямое отражение в поэтике Андрея Крюкова. Она столь же удивительна, сколь и непривычна для нынешнего читателя, приученного к абстрактной и подчас скудной лексике постмодернистского толка. Как для глаз северного жителя, живущего по полгода в условиях полярной ночи, непривычен и резок яркий солнечный свет, так и человеку эпохи авангарда и пост-авангарда изысканный, «сочный» язык, превращающий поэтический текст в красочный натюрморт эпохи фламандских живописцев, может показаться невозможным атавизмом.

Тяготение к архаической лексике и твёрдой форме, склонность к элегичности и анжамбеманам, кажущаяся избыточной «велеречивость» речи, детальность и конкретика – все эти черты одновременно совмещают величавую неспешность прошлых эпох и ключевые тенденции современного направления европейской живописи, называемого гиперреализмом. Действительно, стихи этой книги очень похожи на картины, где все образы осязаемы, ощущаемы и предельно объёмны. Их хочется потрогать и убедиться в плотности текстуры, в том, что перед нами – подлинная жизнь, а не оптический обман зрения. «Шествуя по эпохам» вслед за автором, мы попадаем в своего рода виртуальную реальность: слышим гул средневековых базарных площадей и ляг железных рыцарских доспехов, попадаем под обаяние проходящей мимо дамы, чьё лицо закрыто вуалью, чувствуем, как учащается наш пульс в предвкушении новых, непредсказуемых поворотов событий. Это ли не подлинная жизнь? И так ли уж важно, к какому веку относится сюжет, описанный автором? Для него дверца в будущее или прошлое всегда остаётся слегка приоткрытой:

*В лето оное, вдоль каменистых опор генуэзских,
Где волна, подгоняема ветром, вонзается в твердь,
Всем торгуется мир, от горшков до шелков королевских,
Что зевая, что вельмож вовлекая в свою круговерть...*

<...>

*Поворот головы, сбился шаг, и за юношей статным
Поспешает прислуга, и чуть придержав за рукав,
Обронила платок, где искусно и так деликатно
Вьшит вензель фамильный, в нём титул не сразу узнав*

Читатель уже внутри этой картинки, и это с ним, а не с автором, происходят удивительные метаморфозы. Это он, а не автор, влюбляется в прекрасную незнакомку, уплывает в далёкие страны на корабле и страдает от разлуки с любимой. Стихи поражают столь редкой сейчас нарративностью, но при этом речь не идёт о прямом, лобовом высказывании – за избыточной конкретикой и предметностью практически всегда стоит иносказание, и чрезмерная велеречивость автора становится понятной. Это всего лишь стилизация под старину, необходимая для того, чтобы показать: подлинная действительность всегда находится за пределами конкретного времени, а любая эпоха всегда находится «здесь и сейчас». Потому что в жизни важны не её синоминутные, изменчивые оболочки, а скрывающиеся за этой изменчивостью бессмертные смыслы. Оттого так многоголосо эта поэзия. В ней прекрасно уживаются и песни средневековых трубадуров, и вычурный стиль куртуазной литературы, и барокко, и рококо, и неповторимые, сразу же узнаваемые интонации поэтов серебряного века.

Думаю, что именно серебряный век является для автора одним из важнейших источников вдохновения. Он пишет стихи, обращённые к Пастернаку и Гиппиус, гуляет по «улице Мандельштама», преобразуя свойственные ему символы и знаки в абстрактные приметы прекрасного вневременья. Но и век золотой являет здесь себя в полный рост – оттого и сходятся вместе, и начинают полемизировать два русских гения, «два беллетриста-подвижника. То, что один идёт по Невскому, а другой – по Воздвиженке, этому вековому спору не помеха:

*Как-то на Невском, а может, Воздвиженке,
Спорили два беллетриста-подвижника,
Абы обнажили, как два Тадж-Махала –
«Лев Николаич!» – «Фёдор Михалыч!»*

Так современен ли поэт Андрей Крюков? Безусловно. И в каком-то смысле он гораздо более современен, чем другие поэты, живущие с ним в одну эпоху. Потому что подлинно современны только вечность и вневременность.

Уникальный художественный мир, названный нами вначале герметически замкнутым пространством, музейным помещением, на самом деле совершенно не замкнут, а напротив, подобно острову, открыт всем морям и ветрам, всем эпохам и цивилизациям. Эдакий всематериковый остров забвения, попадая на который, человек забывает о том, в каком именно веке он живёт, но вспоминает все прошлые века и цивилизации, знания о которых всегда были ему доступны – просто он этого не знал. Человек забывает себя нынешнего, но открывает себя подлинного – вечного вопрошающего странника, находящегося на пересечении разных миров и культур.

Именно таким можно изобразить современного человека. А значит, книга Андрея Крюкова обязательно найдёт отклик в душе каждого из нас.